

Наталья Рубанова

АСТРИД
ЛИНДГРЕН,
ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ-КРИТИКА:
ЭССЕЦЕНЗИИ, ВОЛЬНОСТИ, ШТУЧКИ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Когда болезнь чтения проникает
в организм, она так его ослабляет,
что он становится легкой добычей
для другого недуга, гнездящегося
в чернильнице и гноящегося
на кончике пера. Несчастливая
жертва его начинает писать.

Вирджиния Вульф

Ни в каких других полях
отношения между занимающими
полярные позиции не достигают
столь полного антагонизма,
как в поле культуры.

Пьер Бурдьё

«ALLEGRO BARBARO»
В СВОЕМ РЕПЕРТУАРЕ

[bf]

«...Владимиру Набокову нравится свой статус, Вере Слоним нравится статус Владимира Набокова, Валерий Брюсов прокомментировал статус Веры Слоним, Валерий Брюсов прокомментировал свою собственную ссылку, Вера Левченко поделилась мероприятием “Серебряный век”, Вере Левченко нравится фотография Владимира Холодного, Вера Холодная поделилась фотографией Асты Нильсен, Аста Нильсен поделилась ссылкой “Немое кино”, Мэри Пикфорд поделилась мероприятием “Поллианна”, пользователь проекта “Поллианна” поделился мероприятием Анны Ахматовой, Анна Ахматова и Фаина Раневская теперь друзья, Федерико Феллини и Де Лаурентис теперь друзья, Федерико Феллини прокомментировал ссылку Де Лаурентиса, Де Лаурентис прокомментировал ссылку Федерико Феллини, Де Лаурентис отметил Джульетту Мазину на фотографии, Джульетта Мазина отметила Федерико Феллини на фотографии, пользователь проекта “Мата Хари” отметил Грету Гарбо на фотографии, Грете Гарбо нравится проект “Поток”, Джону Гилберту нравится ссылка Греты Гарбо, Грета Гарбо удалила Джона Гилберта из списка друзей, Глория Свенсон и “Голливуд”

теперь друзья, Марлен Дитрих и проект “Femme fatal”
теперь друзья, Ингрид Бергман и Роберто Росселини
теперь друзья, Ингрид Бергман нравится статус Густава
Моландера, Густаву Моландеру нравится статус Ингрид
Бергман, пользователь проекта “Оскар” поделился
ссылкой “Intermezzo”, Иоганнес Брамс поделился ссыл-
кой “Интермеццо”, Винченцо Беллини и Джузеппе
Пьермарини поделились ссылкой “Ла Скала”, Милий
Балакирев, Модест Мусоргский, Порфирий Бородин,
Цезарь Кюи, Николай Римский-Корсаков поделились
ссылкой “Могучая кучка”, “Могучая кучка” прокоммен-
тировал свою собственную ссылку, Макс Фриш про-
комментировал свою собственную ссылку, Макс Фриш
рекомендует страницу “Назову Себя Гантенбайн”, “На-
зову Себя Гантенбайн” хочет добавить вас в друзья...»

[bf]

Opus 1

ПАРИЖА НЕТ.
ПАРИЖ ЕСТЬ

НЕПРЕВОСХОДИМОЕ:
ПОД ПРИЦЕЛОМ АННИ ЭРНО

ЭССЕ В МАСКЕ ДЕВУШКИ ИЗ 58-ГО

Париж прекрасен, но он смердит.

Из Генри Миллера

[13]

«Прага не отпустила. У матушки – когти», – писал в свое время Кафка приятелю Поллаку, хотя что такое «в свое время», как не подлежащая удалению фигурка речи, сорняк в кластерах *непревосходимого?* И снова: Франц Кафка – Оскару Поллаку: *«Книга должна быть топором, способным разрубить замерзшее озеро внутри нас. Я в это верю».* Именно эти слова знаменитого чеха превосходно иллюстрируют то, что несут в себе тексты знаменитости французской, тоже хлебнувшей из горлышка тоски.

Ее имя Анни. О литературном триумфе она отозвалась так: *«Да, это большое признание, признание моей работы – ведь я пишу уже сорок лет. Меня волнует не сама премия, а мои разговоры с людьми – когда они говорят мне, что видят себя, читая мои произведения. Это чувство, что премия принадлежит не только мне, но и всем нам; это важно для меня».*

Ныне нобелиатку знает весь профлитсвет – и литполусвет тоже. Последний-то и загибает завистливо пальцы, бороздит интернет по гендеру, он же в просторечии

«пол», он же «sex», отсчитывая от Сельмы Лагерлёф – через Эльфриду Елинек, Дорис Лессинг, Светлану Алексиевич, Ольгу Токарчук и пр. – до Анни Эрно, чьи тексты меняют сознание: такова энергия слов. Если, конечно, читающий не алекситимичен.

[12]

Но отмотаем пленку. Первый крик малютка Анни издала 1 сентября 1940-го: крик раздался на севере Франции, в местечке Лильбонн, откуда семейство Дюшен вскоре переехало в местечко И. Всего до буквы-*solo* сократит впоследствии Анни Эрно название провинциального городка, где пройдут ее прольские детство-юность, а в книжке «Возвращение в Ивто» уточнит: «*Ивто*» не географический пункт, отмеченный на карте, а абстрактное место рождения – матка, полная невыразимого. Не стоит забывать, что я практически не выезжала из Ивто до восемнадцати лет! <...> Иногда, когда я приезжаю, эти ощущения особенно обостряются. Помню, как однажды я шла по улице Дю-Кальвер и увидела пьяного мужчину. Одиннадцать утра, а он идет, навеселе. Это было ужасно: все мое детство, когда я постоянно видела пьяных мужчин в нашем кафе, вдруг обрушилось на меня, и мне стало так тоскливо! Алкоголь и что он делал с людьми из рабочего класса в пятидесятые – я знала об этом все. И от вида того мужчины на улице Дю-Кальвер все это будто снова встало у меня перед глазами. В психоанализе про такое говорят: *непревосходимое*¹...».

¹ Эд. «непревосходимое» являет собой некое всеохватывающее воспоминание, провоцирующее глубочайшие переживания. Анни Эрно апеллирует к субъективному индивидуальному опыту и своей микропамяти, впадающей в так называемую

Да, автор «События»¹, вслед за автором «Процесса», могла бы сказать, заменив Прагу (сердце Чехии) на И. (нормандское захолустье), примерно так: «*Ивто не отпустил. У памяти когти*», – но не сказала, предоставив лево голоса автору эссе, а у него свои *пенаты на шею*.

[11]

Неотредактированное человеческое существование, существование без ретуши в объективе литкамеры нобелевской лауреатки 2022-го, расстрелявшей время на «до» и «после», на «несомненно чужих» и «как бы своих», – тот самый топор, не дающий кафкианскому льду прорасти в нас благодаря тем, о ком мы пишем. Одна из персонажек Натальи Рубановой (антропоним живого автора эссе) выдохнула четыре слова, которые обронила давным-давно, хохотнув, певичка из Реутова: «*Жизнь – она такая, ледник!*»² – и исчезла... К чему певичка, при чем тут какой-то Реутов, где он вообще и зачем? – спросит (не)любезный читатель, и получит ответ: да все к тому же – к Эрно, к Уэльбеку, к Кафке, к Маяковскому с Блоком, к *вечности* Кая. Как ледяная *обыденщины жуть* – это «Про это»³, – *истекаю*

макропамять: в память коллективную, в русло условного универсального людского опыта. Препарируя в текстах эпизоды из собственного архива существования, писательница, отбросив ложные комплексы, говорит о важнейших вещах, в том числе «по умолчанию» стыдливо табуированных и/или ущемляющих «второй пол», если воспользоваться определением г-жи де Бовуар.

¹ А. Эрно. Событие. No Kidding Press, 2021.

² Н. Рубанова. Коллекция нефункциональных мужчин. Лимбус Пресс, 2005.

³ Вл. Маяковский.

клюквенным соком: а вот вам из «Балаганчика»¹ фокус-покус, ну да, эго-текст, эго-месседж – рискованный жанр! По счастью, Анни Дюшен, прожившая восемнадцать зим в богами забытой нормандской провинции, дочка лавочницы, рассоединившаяся-разотождествившаяся с ядреным своим дэвичье-пролетарским опытом, но не забывшая его ни на миг, ставшая известной писательницей, лауреатом Нобелевской премии по литературе Анни Эрно, чьи тексты не проходят мимо французских школ и университетов, ничего не боится: «*Опыт, каким бы он ни был, дает неотъемлемое право о нем говорить*».

[10]

Итак, автофикциональный-сорри-жанр: скука скукой, если судить по вымученному – кем?-чем?-зачем? – жанровому определению. Определению, пахнущему политической хлоркой – почти непристойный запах бедности, прилетевший из послевоенного детства Анни: ненавистный и одновременно родной, запах бедности нормандского местечка И., треклятый запах, которого она долго стеснялась в католической школе, подозревая, будто пропиталась им дома насквозь, – но здесь как раз тот случай, когда лучше не верить глазам своим. Определение «автофикциональный жанр» сомнительно, ведь выдумок в книгах Эрно нет. Читая их, желаешь одного: только б все оказалось «фикшеном», страшилкой-сном, но нет, самая обыкновенная бьель.

Юная Дюшен – везде чужая, посторонняя, долгое время – нигде не «своя», хотя не всегда это осознает. Лишь книги – (не) знакомо, (не)любезный читатель? –

¹ А. Блок.

спасали от рутины: «...мои детство и юность в Ивто – это постоянное желание читать. Как классическую, так и современную литературу, а значит, и постоянные попытки любой ценой заполучить книги, которые тогда стоили очень дорого. <...> Благодаря матери и ее любви к чтению я получила возможность и разрешение читать, как только этому научилась, без каких-либо ограничений – кроме откровенно неподобающих книг, которые “не каждому и в руки дашь” и которые она от меня прятала (крайне плохо)»¹.

[9]

Универсализированная – и одновременно сугубо частная – история простолюдинки, «с низов» «поднявшейся», выбившейся в так называемые люди благодаря образованию и одаренности: «И пошел я в люди», привет-привет, классик ты наш... Личная – и в то же время типизированная – история, которая могла бы произойти в середине двадцатого века с массой представительниц «второго пола». Женщин, порой даже не подозревавших, насколько они во всех смыслах эксплуатируемы, ведь «все так живут», – и даже права на свое тело у них чаще всего нет: оно так или иначе продается и покупается, сдается в аренду, используется тем или иным способом. Существование в тисках мужских ценностей той эпохи, предполагающих практику обесценивания ценностей женских, оставим без комментариев, а скажем вот что. Описывая личное в условно безличной манере, Эрно доводит некоторые пассажи до чистоты яда, если использовать определение Чорана². Подобные обобщения

¹ А. Эрно. Память девушки. No Kidding Press, 2016.

² Э. М. Чоран: «Я люблю, когда стиль достигает чистоты яда».

Сартр называл универсальной единичностью, и Эрно работает именно с этим. Ничего не ретушируется, даже образ любимой матери: «Молодость моей матери – это отчасти попытки избежать наиболее вероятной участи: нищеты (неминуемой) и алкоголизма (вполне возможного). То есть всего, что случается с женщиной из рабочего класса, когда она “распускается” – курит, гуляет ночами, носит одежду с пятнами, – и что не придется по вкусу ни одному “приличному молодому человеку”»¹.

[8]

Гендер. Класс. Язык (правильный городской французский и диалект патуа², на котором изъяснялись простолюдины, в том числе семейство Дюшен). Три кита, на которых держатся тексты Эрно, задававшейся когда-то своим, а не гамлетовским, *to be, or not to be*: «*Неужели я без тени сомнения буду писать на книжном языке, в который проникла незаконно, “на языке врага”, как говорил Жан Жене, в данном случае – врага моего социального класса? Как мне писать, если я в определенном смысле внутренняя эмигрантка? С самого начала меня тянуло, даже разрывало в разные стороны: с одной – литературный язык, который я изучала и любила, с другой – мой родной, домашний язык, язык моих родителей, язык угнетенных, которого я позже начала стыдиться, но который навсегда останется частью меня. По сути вопрос вот в чем: как писать, не предавая мир, откуда я ро-*

¹ А. Эрно. Женщина. No Kidding Press, 2022.

² От старофранцузского *patois*, восходящему к глаголу *patoier* (грубо говорить).

дом?»¹. Престранная дилемма, престранное сожаление. Но есть разве, о чем сожалеть, боясь ненароком предать? Вашим патуанцам подобное литразделение точно не придет в голову – отбросьте иллюзии!

В пандан автосоциобио-и-трам-пам-пам обобщениям Анни Эрно – пассаж из автофикшен-обобщений Андрея Бычкова, препарирующего себя-персонажа и сиюминутное окружение в едко-реалистичной – и в то же время изысканной – прозе: *«Сидящие, разговаривающие, пьющие – все они были другими. Были людьми молоточных ударов, отверточных ввинчиваний, они забивали гвозди, умели пилить, беспрерывно куда-то ходили, поднимали тяжести, копали, таскали... даже учителя, сидевшие здесь, рядом с ним, и те говорили на каком-то другом языке, знали правильные слова и смотрели другое кино... и вот уже крикали, закусывая, то тут, то там, и кто-то, вполшепота хмыкнув, даже и повторял – любовь, хм... здесь было другое всё...»*² – что ж, патуанцы молоточных ударов и отверточных ввинчиваний везде одинаковы! – *«Радоваться и разговаривать они были способны только после определенного количества выпитого. Все остальное время они молча делали свое дело – “хорошие работники” и горничные, к которым “не подкапашься”. С годами они привыкли к тому, что их оценивают исключительно по степени опьянения – “навеселе”, “лыка не вяжет”. Однажды, накануне Духова дня, по дороге из школы я встретила свою*

¹ А. Эрно. Возвращение в Ивто (Как писать).

² А. Бычков. Секс с фон Триером. СПб, Jaromir Hladik press, 2022.

тетю М. У нее был выходной, и она, как всегда, шла в город с сумкой пустых бутылок. Она поцеловала меня, нетвердо стоя на ногах, не в состоянии произнести ни слова. Думаю, я никогда не смогу писать так, словно не встречала ее в тот день»¹.

[7]

В одном из писем Эрно уточняет: «Я начинаю понимать, что литература – это искусство жертвоприношения!»² Неудивительно? Или автор эссе просто не жил в И.? Он, автор эссе, пожил в Н., но не о нем речь: у всех, дубль два, свои пенаты на шее, вопрос лишь в том, тянет ли на дно Сены-vs-Оки булыжник «родных каштанов» или «родных осин»... В случае Эрно мы видим отчетливое движение вверх. Да, ее персональное жертвоприношение состоялось. Да, по Бурдьё, чьи труды «Наследники» и «Воспроизводство» стали для Эрно откровением в самом начале 1970-х, она – *деклассированная наверх, классовая перебежчица*.

Да, героиня заливалась кровью, и это не фигура речи: когда читаешь «Событие», кулаки, видите ли, сжимаются – хотя, казалось бы, иммунитет. А в какой-то момент Эрно ломает прокрустово ложе стереотипов, предрассудков и социальных условностей, всех этих «нельзя-можно», «женское-мужское», «стыдное-бесстыдное»: так Она-В-Настоящем вскрывает Себя-В-Прошлом. Так умудренная *опытами* Анни Эрно сливается с красоткой Анни Дюшен, «девушкой из 58-го». Так Анни Эрно с любопытством патологоанатома рассматривает Анни Дюшен в продольном разрезе. Так прошлое и настоящее «я» обеих Анни сроста-

¹ А. Эрно. Возвращение в Ивто. No Kidding Press, 2013.

² Подруге Мари-Клод, июнь 1962 г.

ются – или не: *«Я тоже хотела забыть эту девушку. Забыть по-настоящему, то есть больше не хотеть о ней писать. Больше не думать о том, что я должна написать о ней, о ее похоти, безумстве, глупости, гордости, голоде и иссякшей крови. Но мне это не удалось. <...> Чем пристальнее я вглядываюсь в девушку на снимке, тем больше мне кажется, что это она смотрит на меня. Неужели эта девушка – я? А я – это она?»*¹

[6]

Да, тексты Эрно предельно автосоциобиографичны и самоэтнологичны (она называет себя *самоэтнологом*), а главное, что не может не вдохновлять, не заражены морализаторством и ложным «дамским» стыдом, которым часто страдают живые пишущие – почившие, впрочем, ох как страдали тоже... Самоцензура. Что вы, ну какая Колетт... Или (тем паче) Елинек: нет-нет, у нас такого не делают! *А у нас в квартире газ.* Вольна ли ныне и присно педагог-учредитель-сопредседатель-лауреат-мать-твоих-своих-ее-детей-и-так-далее – написать хоть раз, как Эрно? Написать, может быть, так: *«Выходит, вся моя жизнь – где-то между менструальным календарем и презервативом из автомата за один франк. Это хороший метод измерения жизни. Куда вернее других...»* Нет-нет, о том лишь своему психиатру, коего, конечно, не существует, – а значит, сдеспить зубы, молчать, зажмуриться, не посметь назвать вещи своими именами: ни то, ни другое; не нравится – вой в подушку... Уф, дамы и господа, если найти время на чтение томиков, напоминающих иной раз – иной два школьные сочинения, в финале мы, вероятно, даже

¹ А. Эрно. Память девушки. No Kidding Press, 2016.

запеленгуем шепоты первых училок – тех самых *наставниц* наших будущих *правильных* авторесс-хорошисток, не знавших ни изысканного парфюма, ни Верлена с Кокто, ни самого Дебюсси. Их училок, стеснявшихся раздеться в постели, – и потому – какой-нибудь будущей прозаине кивавших: «Садись, Сидорова, четыре».

[5]

«В июньское воскресенье, сразу после полудня, мой отец хотел убить мою мать...» – в повести «Стыд» Анни Эрно хватает за шиворот мгновенно, с первых слов, которые на деле и не слова вовсе – *мой отец хотел убить мою мать*, – а гильотинки. Как и в «Обыкновенной страсти», где Эрно без прикрас – бесстыдно, то есть: не стыдясь очевидного, – безоценочно повествует о собственной лимеренции. Термин этот в 70-х ввела клинический психолог Дороти Теннов, уточнив, впрочем, что любовная одержимость не есть психическое заболевание, хотя, конечно, добавим уж от себя, патологична, – и все из-за дофаминовых цепей, которые... эт сетера энд эт сетера: проще напиток из первоисточника. Но: «Полгода назад он уехал из Франции и вернулся в свою страну. Скорее всего, я уже больше никогда его не увижу... мне было безразлично – жить или умереть», – и это не банальная лав-стори, не то, что называют женской прозой, в просторечии «ЖП», в пошлейшем ее изводе. Нет, это профессиональная самоэтнология, дневник наблюдений за собственной психикой и собственным телом – дневник без дат, на который клюнул (*клюнул* – русский патуа?) и автор эссе в одном из книжных. Кажется, это был «Фаланстер» – он ближе всего к Чайковскому, если идти переулками, а мы любим Москву переулками: и-снова-да-здравствуйте-мой-Пётр-Ильич.

Целебный маршрут под solo-рефрен из письма Мериме *«Надо привыкнуть жить, как дерево»* – и ты, поначалу кивая, в итоге отмахиваешься: у тебя же, *свезло так свезло*, пенаты на шее и нет корней! Нет корней – и не надо: значит, привыкать «жить как дерево» нечему... Но *«как странно и приятно это ретроспективное утешение, – уточняет вдруг мадам Эрно со страниц “Памяти девушки”, – когда воображение помогает унять боль воспоминаний, а пережитое нами неповторимое одиночество разбивается о сходство, пусть и приблизительное, с тем, что в то же время переживали другие...»*

Главное не путать их прескверное одиночество с нашим роскошным уединением, не так ли? О, ни вы, ни я не приемлю отраву первого за благословение второго! Ни вы, ни я, ни один *посторонний* не выйдет отсюда живым... Вы же не знали, Анни Эрно, что цель практики, как учил Серконг Ринпоче¹, а он был мудрец ого-го, – *избавиться от сансары?* Но если цель – нечто иное, значит, *«мы попросту чистим наш унитаз, но он все равно будет грязным»*, Анни Эрно! Это слова Ринпоче, буддисты говорят порой дельные вещи, не так ли, Анни Эрно?.. Вы хотите избавиться от сансары, Анни Эрно?.. Что для вас сансара, Анни Эрно?.. Вы агностик, Анни Эрно?.. Любите ли вы Брамса, Анни Эрно?.. Или вам нравится Дебюсси, Анни Эрно?.. Но т-с-с: я не стану брать интервью, Анни Эрно. Достаточно того, что эссе, не спросив разрешения, день за днем пишется, хоть есть дела поважней, Анни Эрно! Или лишь кажется, что поважней, Анни Эрно?.. Что такое вообще «важность», Анни Эрно?.. Вы слышали про «чсв»,

¹ Серконг Ринпоче – один из семи наставников Далай-ламы XIV.

Анни Эрно?.. Приходилось ли вам примерять это чувство в Стокгольме, Анни Эрно?.. Вы не знаете, что такое «чсв», Анни Эрно?.. Вы не читали Кастанеду, Анни Эрно?.. «Чувство Собственной Важности», Анни Эрно!.. Или все-таки интервью, Анни Эрно?.. Окей, окей, закавычим сию минуту: *«Многие книги моей юности вызывали у меня ощущение, что, читая их, я преступаю общепринятые моральные и общественные законы и открываю иной способ мышления и восприятия мира. Например, “Тошнота” Жан-Поля Сартра – эта книга попала ко мне по чистой случайности, когда мне было шестнадцать, от дяди-электрика – да-да, в рабочей среде тоже читают, мои двоюродные братья и сестры тому яркое подтверждение, – и совершенно меня потрясла. Я вдруг увидела реальность совсем по-другому, обнаружила, что можно писать на языке, которого раньше я в книгах не встречала, – писать на уровне быта (позже это будут называть “обыденностью”) и совсем не похоже ни на сентиментальные романы, которые я читала, ни на канонические произведения, которые мы изучали в школе»*¹, – bravo, Анни Эрно, как хороши подобные совпадения! Вместо сартровской «Тошноты», правда, автору эссе попалась в шестнадцать набоковская «Лолита» – тогда-то и началось самое интересное, тогда-то и приоткрылся *иной способ мышления и восприятия мира...* «Тепло ли тебе, девица?» – Вы читали «Морозко», Анни Эрно? – «А вы читали “Золотые плоды”»²,

¹ Из интервью А. Эрно с Маргерит Корнье: тема ее диссертации в Руанском университете «Сама себе объект: автобиография у Анни Эрно» (полная версия в книге: Возвращение в Ивто. No Kidding Press, 2013).

² Натали Саррот. Золотые плоды. 1963.

Наталья Рубанова?.. – «Сначала было слово, и слово было у Набокова», Анни Эрно! – самоцитата, удаленную скобку закрыть.

[4]

Welcome: трансляция из Шведской академии, где вот-вот будет зачитана новая Нобелевская лекция. В честь 82-летней (на тот момент) лауреатки молодой пианист исполняет прелюдию «Вереск». Лицо Эрно крупным планом: в глазах нетерпение – или кажется? В глазах – волны, волны и ветер «Вереска»... разумеется, Дебюсси, ведь Франция в 2022-м впереди планеты всей! Всей литпланеты: государства в государстве с тайными орденами и масонскими ложами, со своими закулисными игрищами-любезностями – а улыбаются всегда только губы, никогда не глаза, дамы и господа! – для уважаемой публики-с. Мадам Эрно, вяло маскирующая собственную инопланетность, лишь слегка, для протокола, профессионально смущена, – и искренне польщена одновременно.

Да, резонное «слишком поздно» уже просвечивает сквозь ее смутную улыбку – конечно, *все эти премии* надо бы получать хотя б в радиусе пятидесяти. Ес, чтобы успеть пожить. Ес, просто успеть пожить, ес-ес, не думая, где-как-украсть-воздух, дабы написать то, без чего мирок сей уж точно не обойдется. Или как?.. Успеет ли почтенная дама, живущая в городе Сержи, сполна насладиться наградой? Сколько еще зим отведет ей Тот Самый, Правящий Балом? Не ведаешь, Ринпоче?.. Здравия же и многая лета, Анни Эрно! И книг. Книг... Вы – из тех редких *авто-социо-био-уж-простите-графинь*, кого читать вовсе не скучно. Впрочем, время книжных запоев вылетело в трубу с ветреной юностью, прелюдии Дебюсси звучат нынче фальшиво,

ну а ваши «Пустые шкафы» вышли аккурат в год рождения некой особы – в тот самый год, когда она не знала еще ни буквы и лишь вякала из коляски односложное «ма»...

Ни полвека назад, ни теперь вы не подозревали, конечно, и не подозреваете о существовании человеческого экземпляра в маске-антропониме «Наталья Рубанова», а упомянутый человеческий экземпляр, обложившись в 2025-м книжками с файлами, строчит зачем-то о вас: не странно ль? Это называется «литпортрет», но так как критик «Рубанова», по ее же определению, понарошный, то лучше ей о том и вовсе не знать – с точки зрения литпортретного стилька. Она пишет о вас просто так, ни для чего, ни-за-чем, не имея намерений с вами знакомиться и отправлять вам электрописьма, мадам Эрн. Все встречи с «живыми классинями», чьи нетленки повлияли в юные годы на ее письмо, разбились о канканчик реальности – того, точнее, что под нею кое-кем подразумевается. На ее-то нескромный, никакая это не реальность, а так, недоразумение! С тех пор она не настроена общаться с немертвыми класс... тчк. Чужие изысканно приготовленные тексты логичней поглощать издали, отдельно от их искусных поварих с поварами: простой рецепт от множества печалек, о, тысячи литмишленовских звезд... да, она специально написала «печалек», не трогайте, да не трогайте же руками словечко! Оно, как всегда, прибито в нужное время в нужном месте – ее ли антропониму не знать, как прибывают слова и людей друг к другу? Даже смешно... – «За-ко-ла-чи-вай!»¹

¹ М. Цветаева. Пожалей. (1920).

На столе внушительный том – формат 70×108/16 – «Нобелевская премия по литературе. Лауреаты 1901–2001», выпущенный к столетию гранд-премии мира *Издательством Санкт-Петербургского университета* в начале вольных нулевых. Купив книгу на одном из развалов, моя оболочка, мысленно сняв шляпу, листала страницы с фотографиями и текстами тех, кто официально *объявлен великим*, хотя, мадам Эрно, на деле ни мой Доппельгангер, ни я сама не испытываем почтения к пишущей сестрии-братии. И все же нобелевские лауреаты, в числе которых оказались и вы, говорили от избытка чувств вполне искренне: хорошие деньги ведь тоже вызывают некий избыток чувств и провоцируют искренность, не так ли? Да и стулья с помощью денег вполне можно сменить... (О, прелестные «Стулья» Ионеско!) А русский Бунин, чьи «Тёмные аллеи» я в прошлом веке отчего-то перелюбила, мадам Эрно, узнал о свалившейся на него славе по телефону в ноябре 1933-го. Получив воздушный поцелуй от Шведской академии за восемьдесят девять годков до вас, он отозвался о своем Событии так: *«...твердо могу сказать я и то, что из всех радостей моей писательской жизни это маленькое чудо, этот звонок из Стокгольма в Грасс, дал мне как писателю наиболее полное удовлетворение. Литературная премия, учрежденная вашим великим соотечественником Альфредом Нобелем, есть высшее увенчание писательского труда!..»* А что, кстати, сказал бы Бунин о вашем «Событии», где живой крови не меньше, чем в его темноаллейных кошмариках? Любите ли вы «Тёмные аллеи»? (Да, их можно читать и под Брамса.) Впрочем, вы не обязаны ни читать, ни любить

то или это, даже если совпадаете с русским классиком в оценке главного лит-События жизни.

На банкете в стокгольмской ратуше, произнося речь 10 декабря 2022-го, вы, мадам Эрно, вспоминали уже своего соотечественника: *«Оказавшись здесь шестьдесят пять лет спустя, я наполнена чувством глубокого изумления и благодарности... и благодарности за то, что позволили мне присоединиться к Камю и тем другим писателям, живым и умершим, которыми я восхищаюсь»*. В 1957-м он – вспомним – начал речь на Нобелевском банкете так: *«Получая награду, которой великодушно удостоила меня ваша свободная Академия, я испытал чувство огромной благодарности, тем более глубокой, что прекрасно сознавал несоизмеримость этой высокой награды с моими скромными личными заслугами. <...> Я пережил смятение и внутреннюю растерянность»*.

А что пережили вы, Анни Эрно, когда на собственной кухне услышали по радио о том, что стали тем самым нобелиатом? Вы ведь включили радио специально, вам стало любопытно! *«Это как если вы находитесь в пустыне, и с неба доносится зов...»* – таков машинный перевод с вашего сладкоголосого французского. А на пресс-конференции уже иная палитра: *«Я чувствую, что на мне лежит новая ответственность. Эта ответственность заключается в продолжении борьбы с несправедливостью, какой бы она ни была. Я использую термин “несправедливость”, но у него разные уровни. Все, что является формой несправедливости по отношению к женщинам, к тем, кого я называю доминирующими. Я могу сказать вам,*

что буду бороться до последнего вздоха, чтобы женщины могли выбирать, становиться матерями или не делать этого. Это фундаментальное право».

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА